

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
ЛОУРЕНСА НОРФОЛКА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Пир Джона Сатурналла
Словарь Ламприера

ДОУРЕНС
НОРФОЛК

СЛОВАРЬ
ЛАМПРИЕРА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 83

Lawrence Norfolk
LEMPRIÈRE'S DICTIONARY
Copyright © 1991 by Lawrence Norfolk
All rights reserved

Перевод с английского Анны Блейз

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-14231-2

© А. Блейз, перевод, статья, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство ИНОСТРАНКА®

Barbarus hic ego sum,
qui non intellegor ulli.

Барваром здесь я слыву:
Никому мой язык не понятен.

ОТПЛЫТИЕ: 1600 год

Ш-ш-хлоп!

Книга шлепается под ноги. Молодой человек, ожидающий на пристани, сдвигает очки и трет уставшие глаза. Он сидит на дорожном сундуке, а перед ним качается на волнах корабль. На нем он вернется домой. Скоро корабль отплывает.

Все та же картина. Грязноватые воды Темзы, над самой поверхностью реки скользит чайка, подгоняемая ветром. Канат то и дело натягивается, удерживая пакетбот, готовый оторваться от берега. С дощатого настила пристани жалобно взирает упавшая книга.

Он смотрит на пакетбот. Матросы усердно таскают какие-то ящики, складывая их штабелем на корме, где натянутые снасти скрывают их из виду. Нагруженный корабль лениво ворочается в воде, напоминая навьюченную свинью. Утренние тени укорачиваются по мере того, как солнце поднимается все выше. Спину уже припекают солнечные лучи, но в душе — могильный холод. «Я потерял ее», — думает он обреченно. В глубине его души теснится бессильный гнев, и проклятия готовы сорваться с губ. Будто в ответ, с пакетбота доносится крепкая ругань матроса. Юноша с тоской поднимает лицо к небу, словно убеждая кого-то там, наверху: «Я не хотел. Меня принудили». Но только равнодушное солнце отражается в стеклах очков. «Я не хотел».

Чайка уже улетела, но на Темзе и без нее есть на что посмотреть. Лодочники, налегая на весла, так и снуют с одного берега на другой, осыпая ругательствами суда, появляющиеся вблизи. Пакетбот, совсем такой же, как тот, что перед ним, наверное, не рассчитал силу прилива и теперь стоит на якоре в сотне ярдов вниз по течению. Какой-то катер безнадежно спорит с ветром, пытаясь лавировать навстречу бризу. Под солнцем река нагревается, и от воды поднимаются вонючие испарения. Вскоре над ней повиса-

ет легкий туман. Он скрывает темную полосу грязи с Блэкуолла, которая делается все шире, пока длится отлив. Выше по течению из тумана медленно появляется «Ноттингем», его новые паруса похрустывают под слабым ветром. Рассекая черную воду, он минует причал, и вот уже юноша видит только корму, шум парусов становится все глуше и наконец совсем растворяется в плеске воды у причала.

Но одинокая фигура на пристани не хочет расстаться с кораблем. Юноша провожает глазами судно Ост-Индской компании, мерцающее в тумане в излучине реки. Вот уже дальний берег заслоняет собой, словно отрезав, нос корабля. Юноша следит за плавным движением величавого силуэта, но видит другие силуэты других кораблей, тех четырех, впервые уходивших той же дорогой так давно. Он никогда их не видел, он мог только читать о них, мысленно представляя себе их давно забытые маршруты, сопровождая их в своем воображении из порта в порт. Но Темза, ее воды и берега все еще помнят о тех четырех кораблях. Даже пристань, на которой он сидит, — та же самая. На этом самом месте все начиналось. Так давно. Он пытается проследить мысленным взором всю цепь событий, начиная с того самого дня, когда от этого самого места отплывали в далекий путь те корабли, самые первые. И все, что было потом. Он ушел в это прошлое, он достиг пылавшей Рошели, и от нее шли плач, и рыдание, и вопль великий, и он двинулся дальше — и путь к истоку всего привел его сюда, откуда много десятилетий назад отчалили те корабли. Теперь-то он знает, какой рок преследовал его род. Ему пришлось идти на ощупь, он не знал, что ищет. В смятении и ужасе он брел между потускневшими знаками и выцветшими от времени подписями на старых бумагах... Лицо его искажается гневом: «Потускневшие от времени! Как бы не так! За выцветшими подписями скрывались силы, которые играли мной, как марионеткой! Они играли не только моей жизнью и смертью, они играли судьбой моего отца, и деда, и прадеда. Они играли всем нашим родом с тех самых пор, как вспыхнула пожаром Рошель. Но начиналось все здесь, и отсюда я прослежу всю последовательность событий, от самых истоков. Я начну с тебя, Франсуа, мой проклятый предок, который мнил себя властелином, а попал в свой собственный капкан, я начну с тебя и твоего завещания». И бесильный гнев опять захлестывает его, гнев на мертвеца, который как ни в чем не бывало наслаждается покоем в могиле. Гля-

дя на Темзу, юноша шлет ему страшные проклятья, но только невозмутимое солнце отражается в темной воде, и река продолжает привычное движение к морю.

Книга валяется под ногами. Юноша наклоняется, чтобы поднять ее, и, когда он берется за корешок, книга распаивается, и оттуда выскальзывает пергамент, сложенный пополам. Завещание человека, которого он осыпает проклятиями. Солнечный свет заливаает пристань. Порыв ветерка подхватывает пергаментный лист и передвигает к самому краю настила, где он трепещет, как крошечный парус. «Ну и пусть, — думает юноша, — пусть его смое прилив, пусть унесет его в море, туда, где в обреченной Рошели тщетно ждали послания, написанного этой рукой. Рошель — вот преступление, скрыть которое не удалось. Рошель — вечное клеймо».

И все-таки он наклоняется и подбирает пергамент. Жесткий, как парусина, он хрустит, когда юноша разворачивает его. Он поправляет очки, и в лицо ему смотрят аккуратно выведенные буквы.

«Я, Франсуа Ламприер, купец, обращаюсь к тебе, мой потомок, где бы ты ни прочел это, кем бы ты ни оказался. Привет тебе.

Быть может, ты — сын моего внука, но я не думаю, что это так. Боюсь, что потребуются больше поколений и пройдет гораздо больше лет, прежде чем счет будет оплачен. Но если ты уже читаешь это послание, значит расплата близка, и, обращаясь к тебе отсюда, из города Лондона, места моего изгнания, ставшего моим пристанищем, я радуюсь, что ты наконец явился.

Я спрашиваю себя, сколько тебе известно? Думаю, больше, чем мне. Завтра я отправляюсь на поиски моих бывших партнеров, чтобы вернуть то, что они отняли у меня в Рошели. Я делаю это ради тебя. Я покинул Рошель, шестерых детей и Анну-Марию, их мать, носившую под сердцем седьмого. Теперь я должен покинуть и свою вторую семью на Джерси, чтобы уладить все дела. Я должен покинуть тебя, мой нерожденный потомок, и ныне, в час, когда я пишу тебе эти слова, я могу только надеяться на твой приход.

О моих партнерах и о нашей Компании я скажу здесь совсем немного. Если ты читаешь мое послание, тебе уже известно, как мы получили Компанию из британских рук. То были прекрас-

ные времена, мы крепко держались друг друга в нашей борьбе. Но теперь все это позади, все окончилось вместе с Рошелью и предано забвению, как и рошельские мертвецы. Я не позволю отнять у меня потомков во второй раз.

Ты уже знаешь, что я бежал в Англию, дабы решить нашу судьбу. С этих берегов я мог только наблюдать, как осажденная Рошель умирает от голода, как осада города завершается его гибелью и мое обещание вернуться победителем превращается в злую издевку. Мне оставалось только ждать, пока голодная смерть не достигнет мою семью, моих компаньонов и всех жителей злосчастного города. Я известил компаньонов о положении дел, о том, что им надо спастись бегством. И они бежали. Но я не мог себе и представить, какой ценой был куплен побег. Вот этот долг им теперь и предстоит вернуть. Завтрашний день избран мною для того, чтобы заставить убийц заплатить по счету. Теперь, когда ты это читаешь, наступил день возмездия.

Ты прошел невероятный путь, чтобы разыскать и прочесть это мое послание к тебе. Этот путь усыпан трупами тех, кто пал до тебя. Он полон чудовищных трудов и испытаний. Скорее всего, ты прибыл с острова Джерси, возможно, из того самого дома, который я построил в Розели. Как и я, ты покинул дом и семью и, быть может, скорбишь по ним так же, как и я.

Но ты пришел, и теперь мы вместе. Вместе нам удастся выполнить задуманное. Быть может, нам все-таки суждено вернуться в Рошель победителями. Шлю тебе привет, мой наследник и потомок».

Юноша долго смотрит на завершающие слова послания. Все закончилось, подведены все итоги, но кому теперь предъявить счет? Мертвецам? Долг не оплачен. Все потеряно. Она уже не придет. Он складывает пергамент и сует его в книгу.

Издали юноша на причале кажется центром безмятежной картины. Пакетбот со своей расторопной командой, дощатая пристань, река, неспешно катящая свои воды, — все так обыденно и спокойно. Но в душе его бушует буря. Мысли о человеке, завещание которого он прочитал, распалют его гнев. Не в тот ли день, когда отплывали те давние корабли, были посеяны семена этого гнева? «Ты был здесь, Франсуа, ты окидывал пронизательным взглядом корабли и оценивал вложенные в них капиталы и предстоявший им путь. Затерявшись в толпе, ты взвешивал

риск и прикидывал прибыли. Ты все предусмотрел, ты не ошибся в расчетах. Но знал ли ты, скольким людям и какую ценой придется оплачивать твою проницательность и удачливость? Мог ли ты знать, что сделают твои компаньоны, те, кому ты доверял? И все же именно ты все это начал. Пусть даже ты и не ведал о последствиях, но начал это ты».

Долгие годы тайной борьбы, которая не позволила умереть естественной смертью ни одному мужчине его рода, и страшный путь, который он прошел, чтобы найти ее исток, вдруг предстают перед его внутренним взором — череда серых лиц, череда мертвых тел, которые распадались при его приближении. А в самой глубине мрака пряталось омерзительное лицо, черты которого были так же знакомы ему, как черты собственного лица. Сквозь гнев и негодование в нем поднимается волна мрачного удовлетворения: «И все же я отыскал тебя, Франсуа. Я прошел, чтобы найти тебя, через каждый год этих долгих ста восьмидесяти восьми лет. Я утратил на этом пути все, что любил. Но я знаю теперь, как твой провал сказывался на каждом моем шаге. Я не понимал, что ищу, пока у самых корней, у истока, я не увидел тебя».

Его память восстанавливает цепь событий, и временами его охватывает бешенство, потому что тот, кому он мог бы предъявить свой счет, теперь мертв. Даже в этом его обманули. Хотя бы здесь с ним могли бы поступить справедливо. За твое невежество, Франсуа, за твое неведение, за то, что ты не предвидел всех последствий, за то, что она теперь уже не придет, и за моего отца я призываю к ответу тебя и твое время — исток всего, что я потерял!

Юноша бросает взгляд на темную зыбь воды, на лодки, упорно сражающиеся с отливом, который увлекает сонную речную воду вниз. Вода слепо мечется и бурлит, вращаясь и закручиваясь, незримое море тащит ее в свои сети. Отлив набирает силу, всасывает реку, как делал это испокон веков. Как и в тот день того давнего года, думает юноша, мысленно возвращаясь сквозь все предыдущие годы к тому дню, когда все началось. Он находит этот день и держит его перед своим мысленным взором.

* * *

Солнечный день, ясный и прохладный, на заре только что народившегося столетия; воздух напоен обещаниями, и корабли, четыре корабля, мерно переваливаются с боку на бок на якорях,

мачты раскачиваются в такт речным волнам, а неподалеку от них, на переполненной людьми пристани, на помост поднимается глашатай, разворачивает пергаментный свиток и, стараясь перекричать гул толпы, начинает читать:

«ГРАМОТА, ДАРОВАННАЯ КОРОЛЕВОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ двадцатого дня апреля месяца сорок второго года Ее правления, *anno domini*, 1600. ЕЛИЗАВЕТА, милостью Божией Королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и пр. и пр. Всех наших сановников, чиновников и подданных, а также всех прочих людей как внутри Нашего английского королевства, так и за его пределами, которые находятся под Нашей властью и юрисдикцией или иным образом обязаны увидеть, услышать или прочесть эту Нашу жалованную грамоту, приветствуем».

И я приветствую тебя, отзывается через много десятилетий одинокий человек на причале. *Finis exordium invocat*.

Голос глашатая тонет в гуле толпы. Он продолжает кричать что-то с помоста, размахивая руками. Никто не смотрит на него. Все взоры прикованы к кораблям. «Гектор» и «Вознесение», «Сьюзен» и «Дракон», нок-рея к нок-рее, украшенные вымпелами, поднимающиеся из воды крутые бока. Свежепросмоленные шкафут и вельсы отделаны золоченой резьбой, зрители, которые находятся поблизости, чувствуют запах стокгольмского дегтя и пробивающийся сквозь него запах уксуса, которым моют палубы. Под палубами запахи смешиваются со зловонием балластной воды. Все готово к отплытию. Матросы снуют по вантам вверх-вниз, красуясь перед публикой, а младшие офицеры приосаниваются. Везде полный порядок. Толпа стоит уже целый час, и, хотя шум не умолкает, ее энтузиазм заметно поостыл. Люди на пристани ожидают сигнала, чтобы разразиться последним и самым мощным всплеском восторга, и стоящий на кормовой палубе «Дракона» капитан Джеймс Ланкастер вот-вот подаст его.

Он перегибается через борт, чтобы самолично отдать приказания людям, привязывающим канаты с весельных шлюпок к бушприту его судна, и криком подбадривает гребцов, которые изо всех сил налегают на весла, будто рабы-галерники. Мало-помалу, очень медленно нос корабля начинает поворачиваться. Капитан Ланкастер поднимает руку и подает команду матросам, ожидающим у лебедки на корме. Он чувствует легкую дрожь, пробегаю-

щую по корпусу судна, когда его подхватывает течение. Он опускает руку, матросы вытягивают якорь, а толпа на берегу разражается бурей восторга. Плавание началось. «Гектор», а за ним и другие два корабля следуют за «Драконом», который медленно выходит на середину течения. Ветер трогает их паруса, но пока что корабли набирают скорость за счет отлива.

Моряки застывают с поднятыми руками. С берега они уже кажутся марионетками, крошечными фигурками и продолжают уменьшаться по мере того, как удаляются корабли. Толпа, запрудившая берег, машет руками и платками им вдогонку. Крики уже не долетают до кораблей. Матросы едва различают голоса, пристань почти скрылась из виду. Они начинают снимать гирлянды флагов, увешивающие вельсы, и вот, сбросив с себя мишуру украшений, стройные тела кораблей, вытесанные из прочного дуба, выстраиваются в линию, нацеленную на Восток.

Зеваки, собравшиеся на берегу, начинают понемногу расходиться. Разочарование тем, что представление окончено, охватывает толпу, и она распадается на небольшие группки по два-три человека, которые бестолково топчутся и мало-помалу разбредаются в разные стороны. Остаются лишь те, у кого есть достаточно веские причины дожидаться, пока корабли окончательно не скроются за поворотом реки. На дальнем конце пристани стоит группа олдерменов, которые поздравляют друг друга с тем, как гладко все прошло. Почетные гости, приглашенные на церемонию отплытия, критикуют их вполголоса. Не безумие ли это? Оправдан ли такой риск? Лица безумцев, вложивших деньги в это рискованное предприятие, напряжены. Они и впрямь кинулись в авантюру, и денежки у них на глазах уплывают по реке, но они убеждают друг друга не волноваться. Небольшая тесная группа, человек восемь-девять, стоит в стороне, отдельно, и никто не слышит, о чем они говорят. Голос глашатая снова взлетает над толпой, единый гул которой разбился на гудение множества отдельных разговоров.

«...что все они и каждый из них, начиная с этого момента, являются и будут являться одним сообществом в торговле и в политике, единым в делах и в названии, каковое звучит как „Председатель и Компания купцов города Лондона, ведущая торговлю в Восточной Индии“, всецело и полностью, для Нас, наших Наследников и Преемников. Мы приказываем, распоряжаемся,

предписываем, постановляем и объявляем, что эти люди, под тем же именем „Достопочтенного председателя и Компании купцов города Лондона, ведущей торговлю в Восточной Индии“, утверждаются в праве наследования и что их наследники являются и будут являться, отныне и впредь, лицами, наделенными и облеченными законной властью, а также сообществом в торговле и политике, наделенным и облеченным законной властью иметь, приобретать, получать во владение, использовать по своему усмотрению и хранить земли, недвижимое имущество, привилегии, вольности, права, льготы и наследственные права каких бы то ни было вида, характера, свойства и пр., которые будут принадлежать им и их наследникам».

Со стороны кажется, что девять человек, стоящие отдельной группой, отводя глаза друг от друга и вытягивая шеи, будто чтобы лучше ухватить каждое слово, с напряженным вниманием слушают глашатая. Но им пока не важно то, что он говорит. Они уже приняли решение, и смысл их долгого путешествия, которое началось в Рошели, стал им теперь яснее. Они тоже оценили риск. Они подсчитали все опасности только что начавшегося плавания. Цель, которая привела их на эти ненавистные берега, пока не совсем ясна им самим, но сам факт того, как далеко они, стоя единой молчаливой группой, находятся сейчас от своего дома, говорит о том, как глубоки их целеустремленность, самообладание и терпение. Ибо не они вкладывали деньги в это плавание. Они только предусмотрели все возможные опасности, подстерегающие корабли, и начинают свой отсчет. Они будут терпеливо ждать, пока экспедиция не потерпит крушение, пока корабли не встретят свою судьбу. Они будут ждать, пока нервы вкладчиков не дрогнут и пока Компания не лопнет. У них есть собственные соображения по поводу того, чем кончится торжественное отплытие, свидетелями которого они только что стали.

Все четыре корабля продолжают плавание, подхваченные течением ниже Грейвсенда, подгоняемые ветром все ближе и ближе к Востоку и его сказочным богатствам. Они идут вниз по реке к устью, оттуда — к якорной стоянке неподалеку от Даунса, чтобы запастись там провизией, а товарами для обмена с туземцами они уже запаслись. Затем корабли снова поднимают паруса, и с этого момента вести от них приходят домой все реже и реже. Отрывочные сведения об их долгом путешествии попадают

в Лондон с редкими кораблями, которые встречаются с ними в открытом море, с торговыми судами, которые входят в те порты, где корабли экспедиции бросали якорь. Загадочные истории без конца и начала, часто без всякого смысла — вот и все, что доходит до Лондона, подтверждая, что они, возможно, еще существуют. Старший канонир «Вознесения» умер, свалившись с грот-реи, и к месту его падения подплыла стая летучих рыб. Французское судно доставило обратно его пожитки. Французский экипаж присутствовал при том, как его хоронили в море. А с ним еще двоих, погибших во время церемонии, поскольку стрельба из орудий производилась без соблюдения должных предосторожностей. Шальным выстрелом были убиты капитан и помощник боцмана.

Подлинные события превращались в морские рассказы, морские рассказы — в слухи, настолько же не похожие на правду, насколько вещи, упавшие за борт корабля, не похожи на то, что выбрасывает морской прилив на берег. Вначале вкладчики спешили на пристань встретить любой корабль, чтобы получить хоть какие-нибудь сведения, пока не пришлось признать, что собранные ими крупицы ровным счетом ничего не говорят о подлинной судьбе экспедиции. Им ничего не оставалось, кроме как утешаться разговорами, прокладывая на картах наиболее заманчивые, с их точки зрения, маршруты. Тщательно вычерченные ими линии вскоре достигли таких мест на карте, о которых можно было только строить предположения, и их опасения возрастали.

Им нечего было волноваться, думает из своего далека юноша на причале. Почти через два столетия он прочитает вахтенный журнал капитана Ланкастера, и скупой перечень происшествий и координат раскроет перед ним пространную историю преодолений и усилий небольшой флотилии. Сам Ланкастер рисуется ему человеком негибимой решимости завершить плавание и преодолеть все препятствия — либо умереть. По мере приближения к цели воодушевление охватывало все его существо, и каждый успех только укреплял его решимость.

Флотилия продвигалась к югу и достигла Канарских островов седьмого мая, а тропика Рака — еще через пять дней. Цинга не трогала их до самого августа, затем сразила сразу сто человек. Первого ноября они обогнули мыс Доброй Надежды. На Рождество 1600 года их захватил шторм, отнявший у них два якоря. Они выдержали этот шторм, как и последовавшие за ним, но их

чуть не погубили огражденные скалами мели Аду едва четырех саженей в глубину; на поиски прохода была послана лодка. Слава богу, проход был найден. Май принес с собой благоприятные ветра, и вскоре с кораблей увидели Никобарские острова. Июнь подарил им Аче, который дал им первую лодку, груженную перцем.

Когда вечером последнего июньского дня флотилия вошла в устье Малаккского пролива, мореходы увидели свет сотни костров, протянувшихся вдоль берега. Костры горели всю ночь, и с наступлением утра капитан Ланкастер отправился на берег в гребной шлюпке. Султан Аче потчевал Ланкастера и его людей свежими фруктами и бараниной, жаренной на углях. Ланкастер подарил султану серебряный поднос и показал свою жалованную грамоту. В ответ султан передал приветствие ее величеству и подарил Ланкастеру слона. Голландцы такие неотесанные, думал султан, и слишком дотошно торгуются. Лучше он будет иметь дело с британцами. В августе Ланкастер обнаружил причину необыкновенно дружелюбного приема, который оказали ему в Аче. Все объяснялось тем, что в Бантаме, который лежал по ту сторону Малаккского пролива всего в нескольких днях плавания, тоже был перец, но султан Бантама продавал его за треть цены. Пришлось все пересмотреть, начав переговоры по снижению цены. Британцы оказались такими же неотесанными, как и голландцы, и султан Аче постановил отказывать в гостеприимстве всем торговцам, прибывающим в страну. Слона пришлось вернуть.

Четыре корабля плавали между Аче и Бантамом, выменивая свои товары на перец, а в крайнем случае пуская в ход деньги. Матросы наслаждались отдыхом, совершая легкие переходы от одной якорной стоянки к другой, тогда как торговцы жаловались на проволоочки, набивали перцем трюмы и считали, день и ночь считали. Голландцы, которые изредка попадались им на пути, казалось, только радовались за них. Такая обходительность возбудила подозрения Ланкастера, но ему так и не удалось обнаружить в поведении голландцев злого умысла; кроме того, торговля шла хорошо. Так минули лето и зима. В Бантаме была основана торговая база, и в феврале следующего года, когда трюмы были заполнены перцем до отказа, капитан Джеймс Ланкастер решил, что пора домой. В двадцатый день апреля 1602 года четыре корабля подняли якоря, дали залп из орудий и взяли курс на Англию.

Лондонские вкладчики между тем впали в спокойствие безнадежности. Они не перестали ждать. Но их ожидание, после того как перестали приходить вести о кораблях, стало бессмысленным и томительным. Встречаясь, они уже не говорили о своих кораблях. О них ничего не было слышно вот уже два года. Встречи вкладчиков совершались в напряженной атмосфере, и каждый из них понимал, что предприятие, по-видимому, потерпело крах. Их тяга к авантюрам значительно уменьшилась, и казалось, ничто не способно ее воскресить.

Однако их предчувствиям не суждено было сбыться, потому что за два океана от Англии перед четырьмя кораблями уже вставала Крыша мира, и, когда атмосферное давление упало, она втянула в себя ветра и бросила их через Индийский океан, где капитан Ланкастер распознал их природу и растянул на реях все имевшиеся в наличии паруса. Этот муссон должен был доставить их домой.

Первая весть о возвращении флотилии самым прозаическим образом прозвучала из уст французского купца, который прибыл в Лондон купить сала. Обычно Жюльен Бодегер салом не интересовался, да и Англия редко становилась ареной его торговых операций. Он покупал мавританские ковры, которые затем сбывал зажиточным провансальским буржуа. Салом занимался его кузен, но кузен заболел, а у него был подписан контракт на поставку сала для одной охотничьей гостиницы к северу от Арля. Жюльен поддался на уговоры кузена. И теперь он был в Лондоне. Сало — скучный предмет для торговли, и его мавританские друзья не пришли бы в восторг, узнав о том, за каким грузом отправился Жюльен. Они предложили поставлять свои ковры морем в Лондон под присмотр Жюльена. Они слышали от своих торговых партнеров в Африке, что какая-то небольшая флотилия держит курс вдоль западноафриканского побережья. Жюльену следовало разузнать о ней в Лондоне на тот случай, если план сработает. Через три дня после появления в Лондоне Жюльен уже втолковывал то, что сказали ему мавританские друзья, каждому моряку, лодочнику, каждой портовой крысе, попадавшей ему на пути. Но никто не мог понять толком фразу из четырех слов, которую он старательно повторял в порту, и, лишь достигнув ушей Филпота, де Вира и других вкладчиков, она зажгла в их душах, смирившихся с неудачей, слабый проблеск надеж-

ды. «„Эктор“ э тре других», — вот и все, что Жюльен мог сказать по-английски.

Процесс исчезновения флотилии из виду и превращения ее сначала в объект неясных слухов, а затем и вообще в ничто стал разворачиваться в обратном направлении, поддерживаемый торговыми судами, которые приносили домой все более точные известия. За нечленораздельной фразой Бодегера последовали более вразумительные. Все четыре корабля целы и невредимы, говорилось в одном сообщении. Все три, говорилось в другом. Их трюмы полны, и их трюмы пусты. Их экипажи состояли из мертвецов, которые поддерживались на ногах каким-то странным светом, исходившим с топа грот-мачты, и корабли влеклись по морю русалками. Поползли слухи, что какой-то француз получил десять гиней от Филпота и де Вира за хорошие новости, и тут же в Шедуэлле расцвело прибыльное дело по сочинению правдоподобных историй на продажу ожидающим вкладчикам. Вкладчики насквозь видели людей, которые приходили к ним с этими фальшивками, но все равно платили. При встречах они небрежно пересказывали друг другу эти байки, потешаясь над самыми фантастическими. История о том, как некий «Святой Антоний» был захвачен, а груз серебра, который он вез в своих трюмах, отобран, оказалась настолько удачной, что ее продали дважды. В последующие недели после появления в Лондоне Бодегера сообщения о приближающейся флотилии множились, причем количество самых очевидных противоречий и самых невероятных всплесков фантазии последовательно сокращалось. Да, речь шла о четырех кораблях. И трюмы их были полны под завязку. Двадцать первого сентября 1602 года их уже было видно из Даунса. Вкладчики больше не скрывали охватившего их ликования. Без сомнения, дерзкий проект окупил себя. Два дня спустя они узнали, что трюмы всех четырех кораблей загружены перцем, и поняли, что их изначальная отвага и неутомимые старания сохранить надежду ничего не значили по сравнению с коварным поворотом фортуны.

Четыре корабля вошли в Темзу с утренним приливом, подобно женщинам строгих правил. Тысяча соблазнительей на протяжении всего пути пытались обольстить их тысячей смертельных опасностей, и в доказательство этого они гордо несли на себе шрамы отказов. Их мачты растрескались, паруса состояли из заплат, а борта представляли собой мешанину протекших и над-

ставленных досок. Море — настойчивый влюбленный. Стоя на мостике «Дракона», капитан Ланкастер вел свои четыре судна туда, где их ждал лоцман, чтобы провести флотилию через речные мели. Они медленно двигались вверх по реке к Блэуоллу, откуда пустились в плавание почти три года назад. Капитан думал о перце, который заполнял его трюмы, о миллионе фунтов перца и о цене, которую можно за них выручить. Восемь шиллингов за фунт. Во время обратного путешествия среди матросов чуть не вспыхнул мятеж, корабли буквально рассыпались на части, но все же капитан привел их в целостности и сохранности, и теперь его сердце было занято только Англией. Их возвращение не собрало на пристани такой огромной толпы, какая провожала их в плавание, но Лондон почти не изменился. Почти не изменились и учредители экспедиции, вкладчики, которых, подходя к пристани, Ланкастер уже мог разглядеть на причале.

Филпот, Александр Смит, де Вир и остальные встретились в то утро и вместе направились в Блэуолл. Когда три с лишним года назад их четыре корабля отправлялись в плавание, вкладчики представляли себе все возможные повороты судьбы, которые могли подстергать экспедицию. Они готовы были узнать о кораблекрушении, мятеже, эпидемии, гибели от рук туземцев. Их сны были заполнены кораблями, которые шли на дно при разнообразных обстоятельствах: то они налетали на скалы, то сталкивались друг с другом в непроглядной ночи, то на них нападали киты, то они превращались в плавучие погребальные костры от вспыхнувшего на борту пожара. Вкладчикам казалось, что если корабли вернутся обратно да еще с полными трюмами, то уже не может быть опасностей и испытаний, заслуживающих внимания. Но теперь, когда капитан Ланкастер приказал свистать всех наверх, чтобы самому проследить за тем, как флотилия преодолет последнее препятствие — вход в доки, — он заметил удрученное выражение на лицах вкладчиков, которого не мог различить, пока корабли шли по реке. Откуда ему было знать, что судьба подстерегала экспедицию не у предательских мелей Аду, не во время штормов у мыса Доброй Надежды и даже не в стране какого-нибудь смуглолицего царька? Попутный ветер и спокойное море, которые помогли экспедиции добраться домой в целостности, сопутствовали не ей одной. Едва ли хоть одно судно потерпело крушение в тот год на пути из Индонезии; лишь поэтому в Лондоне не умирала надежда на возвращение кораб-

лей. Голландская флотилия вернулась оттуда всего несколько недель назад с грузом, во много раз превосходящим груз Ланкастера. Случайно или, возможно, нет, но это тоже был перец, привезенный в количестве, для обозначения которого подходило только слово «прорва». Рынок держался неделю — колебался, шатался, а затем обрушился снежной лавиной. Восемь шиллингов за фунт? Шиллинг — максимальная цена, которую решались выставлять продавцы, но даже и так дешево перец не покупали. Когда капитан Ланкастер приказал спустить трап на берег, чтобы поздравить вкладчиков с триумфом, все, что смогла сделать группа людей на причале, — это посмотреть ему в глаза. Груз перца, который доставили четыре корабля, прибывшие в Блэкуолл, преодолев за два года двадцать две тысячи миль, стоил немногим дороже речного песка, а вся достопочтенная Ост-Индская компания — и того меньше.

Горькое разочарование вскоре сменилось беспросветным унынием. Цены продолжали падать, и немногие торговцы перцем, которые еще оставались в Лондоне, вскоре вынуждены были перебраться на континент. В сердца вкладчиков вкралась тревога, а следом за ней пришли кредиторы. Внесшие свой скромный пай корабельные плотники, свечные торговцы и трактирщики довольно быстро узнали о затруднениях, которые одолевали вкладчиков, и в свою очередь забеспокоились. Они ежедневно являлись к владельцам Компании, и их требования становились все настойчивее. Вкладчики уверяли, что покупатели на перец уже найдены и надо лишь немного подождать. Но кредиторы не хотели больше ждать, они хотели вернуть свои деньги. Миллион фунтов перца лежал невостребованным на складе в Попларе. Вкладчики встречались, чтобы придумать, как выпутаться из создавшегося положения, но ни на что не могли решиться. Они должны были крепко держаться все вместе и тем самым подтвердить, что доверяют друг другу, как и положено добрым товарищам и смельчакам, достойным этого имени. Но солидарностью не оплатишь долги. Что было делать? Никто из них не знал.

Да, думает юноша на причале, никто из них не знал. Неведение и замешательство — вот исток всего, ситуация, которой дожидались предусмотрительные люди из Рошели. Но здесь след, который вел юношу в прошлое, обрывается. От дальнейших событий остаются только отрывочные сцены.

К весне следующего года вкладчики все еще не нашли выхода. Кредиторы стали появляться реже, даже совсем оставили их в покое, поняв, что из этого дела ничего не выжмешь. Вкладчики с облегчением перевели дух, хотя и отдавали себе отчет в том, что вслед за этой передышкой грядет судебное разбирательство. Александр Смит в марте объявил о банкротстве. Что им оставалось делать? Ждать конца, не питая ни иллюзий, ни надежд, понимая, что все пропало. Но они ошибались.

Никому и в голову не пришло обратить внимание на девятерых, которые сошли на берег в Лондоне в апреле того же года. Они беседуют между собой мало и вполголоса. Никто не слышит, о чем они говорят. Они остановились где-то за Ломбард-стрит, но там их почти не видели, как не видели и в соборе Святого Павла, и даже на рынке. Не были они и завсегдатаями трактиров. Они пробыли в Лондоне четыре дня, а затем уехали. С того самого дня, когда они наблюдали за отплытием флотилии Ланкастера из Блэкуолла, они терпеливо ждали. И вот теперь, через три года, дело, ради которого они приезжали в Лондон, оказалось быстрым и беспримысленным.

Юноша на причале представляет себе их судно, уплывающее вдаль, подернутое туманной дымкой. Они всегда ускользали, они скрылись даже от английских вкладчиков, оставив их наедине с неожиданным спасением. Спасением, купленным ценой взаимного предательства.

Солидарность вкладчиков основывалась теперь только на общей неплатежеспособности. Им ничего не оставалось, как держаться вместе. Покупатели не могли разрушить их единство, потому что покупателей не было. И вдруг, как гром среди ясного неба, появились эти визитеры. Посредник, разговор о небольшом дельце, и каждый охотно встречается со своим гостем. Темноволосые, с иностранным акцентом, вежливые. Все похожи друг на друга, кроме одного, белокурого. Затем следует предложение продать свою долю акций, символическая цена, немедленное согласие, и девятая часть Компании в мгновение ока вместе с долгами переходит в другие руки. Чувство солидарности и общее дело никого не останавливают. Поодиночке, ничего не зная о других, точно таких же встречах, каждый из них подпишет соглашение. Бизнес есть бизнес. Они же не дети.

Идиоты со своими дурацкими деньгами, думает сидящий на причале человек. Даже сейчас, по прошествии многих десятиле-

тий, он узнает скрытную осторожность Девятки. Это могли быть только они. Он вздрагивает на холодном солнцепеке.

Рошель! Судно скользит мимо пары сторожевых башен и входит в гавань. Конец долгого ожидания, замысел приведен в исполнение. Девять человек наконец нарушают молчание и разражаются хохотом, спускаясь с причала. Они получили что хотели. Их глава — Саморин, тот, чьи светлые волосы выделяются среди темных шевелюр его товарищей. Завершение одной кампании — начало следующей. Новый порыв, новый девиз, под которым они пойдут дальше; решение, принятое их тайным товариществом, и название для него. Возможно, все началось с какой-нибудь шутки. Которая позже станет серьезным и мрачным делом.

Юноша произносит вслух название, впервые услышанное несколько дней назад. Оно было так же неведомо мне, как и ты сам, Франсуа. А может, ты его и придумал? Новые владельцы достопочтенной Компании купцов, ведущей торговлю в Восточной Индии, назвали себя «Каббалой». Он снова трет глаза. На этом след обрывается окончательно, от него остается лишь несколько случайных штрихов.

Новые времена, новые плаванья. Обросшие надежными агентами, принуждаемыми к молчанию предательством, к честности — страхом. И выгодой. Что ж! Все они действительно не дети. Богатство росло, как ты и предполагал. Превосходный расчет, Франсуа!

Тем временем матросы уже выстроили ящики таким огромным штабелем, что он высится на корме, как башня. Остальные, видимо, собираются разместить впереди, на носу. Один из матросов помогает подняться по сходням на палубу женщине, он поддерживает ее за руку. «Ноттингем» окончательно скрылся за поворотом реки. «Но ты, Франсуа, не скроешься от меня! Все или ничего», — думает юноша на пристани. Женщина на сходнях оступается, и матрос подхватывает ее, не дает упасть.

Лицо юноши мрачно. Он думает о несметных богатствах, которые они собрали. О власти, которой было больше, чем нужно. Девятка шла своим путем, не оглядываясь и никогда не задумываясь о том, что расплачиваться за них придется Рошели. Роковая ошибка.

Одинокое облако отбрасывает тень на воду, на судно и пристань. Движение отлива ускоряется. Юноша слышит, как скре-

бется вода о деревянные сваи. Женщина уже поднялась на палубу. Он думает о той, которую потерял навсегда. Он гонит эти мысли. Не надо об этом, не сейчас...

Гнев охватывает его душу, накатывая медленными волнами. Возвращение гнева опять вызывает к жизни тех, девятерых. Они продолжают жить в его ярости, а ярость рождается из памяти о них. «Прости их. Они не ведали...» А отец? Еще один неотмщенный. Перед его мысленным взором предстают озеро, высокие деревья, задевающие вершинами край летнего неба, вода. Красное на сером. Ярость поверх забвения.

«Там мой исток, — вдруг понимает он. — Начало моей истории». Окаймленный морями гранит, красный остров на серо-зеленой глади моря, дом. Он так бесконечно далеко, дальше Индии. Сколько же столетий назад он его покинул? Год, говорит он себе, нет, меньше года. Но этот год длился вечность, он охватил собою века. Это кажется невероятным, но это так. Юноша следит, как уходит только что владевшая им ярость и под ней обнажается тревожное недоумение. Он узнает в нем то чувство, которое привело его сюда, которое руководило им, когда он шел через лабиринт, выстроенный ими, чтобы он в нем потерялся. Но вот растаяло и это чувство, и на его месте появился страх. Юноша наблюдает за ним, проникая все дальше в глубины своего существа. Он увидел страх слепоты, страх боли — эти детские страхи, и он преодолел их. Ужас перед неизбежностью видеть судорожно извивающееся на мелководье тело, поднимающуюся из воды руку, и сопряженный с ним ужас осознания своей вины. Далее явился страх смерти, может быть, он был осознан только тогда, на крыше. И страх потерять ее, свою любовь. Он пытается вернуть ее образ, но она ускользает, исчезает вместе со всеми страхами, которые он преодолел. Ее больше нет, и теперь он один, в полном одиночестве, в крошечной тьме, на самой нижней палубе, где нет ни проблеска света, ни тени звука. Одиночество. Последний шаг, отделяющий его от холодной пучины. Оно привычно ему с детства. Ребенком лет четырех-пяти он притворялся, что читает по-гречески, часами сидя неподвижно над раскрытой книгой, а на самом деле глядя внутрь себя. Потом, когда он стал старше, его окружили шелестящие голоса книг, их завораживающее бормотание. Ложь! Последняя переборка треснула, и он падает вниз, в холодные руки, которые ждут его, чтобы рас-

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	11
ОТПЛЫТИЕ: 1600 год	15
I. ЦЕЗАРЕЯ	33
II. ЛОНДОН	89
III. ПАРИЖ	313
IV. РОШЕЛЬ	590
ВОЗВРАЩЕНИЕ: 1788 год	709
Примечания. <i>А. Блейз</i>	735
Послесловие переводчика. <i>А. Блейз</i>	781
Постскриптум. <i>А. Блейз</i>	796

Норфолк Л.

Н 83 Словарь Ламприера : роман / Лоуренс Норфолк ; пер. с англ. А. Блейз. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 800 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-14231-2

Лоуренс Норфолк — автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Носорог для Папы Римского», «В обличье вепря» и «Пир Джона Сатурналла». Его книги переведены на 34 языка, а их суммарный тираж достиг полутора миллионов экземпляров. Итак, вашему вниманию предлагается долгожданное переиздание его дебютного романа «Словарь Ламприера». Перевод публикуется в новой редакции — а также с предисловием, написанным автором специально для данного издания.

В своем первом романе, в одночасье вознесшем молодого автора на вершину британского литературного Олимпа, Лоуренс Норфолк соединяет, казалось бы, несоединимое: основание Ост-Индской компании в 1600 году и осаду Ла-Рошели двадцать семь лет спустя, выпуск «Классического словаря античности Ламприера» в канун Великой Французской революции и Девятку тайных властителей мира... Чередую эпизоды, жуткие до дрожи и смешные до истерики, Норфолк мастерски держит читателя в напряжении от первой страницы до последней — описывает ли он параноидальные изыскания, достойные пера самого Пинчона, или же бред любовного очарования...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЛОУРЕНС НОРФОЛК
СЛОВАРЬ ЛАМПРИЕРА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Маргарита Ахметова

Подписано в печать 30.01.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-22450-01-R